

Научная статья
УДК 94(47).084.3
DOI 10.20310/1810-0201-2022-27-5-1315-1321

Внутрипартийный кризис в РКП(б) и проблемы государственного управления 1920–1921 гг.

Виктор Васильевич НИКУЛИН

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 106
viktor.nikulin@mail.ru

Аннотация. Проанализированы различные аспекты внутрипартийного кризиса в РКП(б), проявившиеся особенно резко на рубеже 1920–1921 гг. Подчеркнуто, что внутрипартийный кризис сказался самым серьезным образом на системе государственного управления, поскольку РКП(б) в качестве правящей партии составляла организационную и кадровую основу всей системы управления. Выделены конкретные проявления кризисных явлений, их влияние на функциональные возможности органов власти. Исследовано состояние органов власти местного и регионального уровня. Раскрыты изменения личностного и психологического характера, произошедшие в кадровом составе советских управленцев. Сделан вывод, что модель управления, созданная в период Гражданской войны и опиравшаяся исключительно на насилие, в мирных условиях перестала работать, и возникла острая необходимость в ее усовершенствовании и смене кадрового состава в соответствии с новыми общественными потребностями.

Ключевые слова: партия, кризис, кадры, органы власти, государство, управление, злоупотребления

Для цитирования: Никулин В.В. Внутрипартийный кризис в РКП(б) и проблемы государственного управления 1920–1921 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27, № 5. С. 1315–1321. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-5-1315-1321>

Intra-party crisis in the CPSU and problems of state administration in 1920–1921

Viktor V. NIKULIN

Tambov State Technical University
106 Sovetskaya St., Tambov 392000, Russian Federation
viktor.nikulin@mail.ru

Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)
Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

© Никулин В.В., 2022

Abstract. Various aspects of the inner-party crisis in the CPSU, which manifested themselves especially sharply at the turn of 1920–1921, are analyzed. It is emphasized that the intra-party crisis had the most serious impact on the public administration system, since the CPSU as the ruling party constituted the organizational and personnel basis of the entire management system. Specific manifestations of crisis phenomena, their impact on the functional capabilities of government bodies are highlighted. The state of the local and regional authorities is investigated. Changes of a personal and psychological nature that have occurred in the personnel of Soviet managers are revealed. It is concluded that the management model, created during the Civil War and based solely on violence, ceased to work in peaceful conditions and there was an urgent need to improve it and change personnel in accordance with new social needs.

Keywords: party, crisis, personnel, authorities, state, management, abuses

For citation: Nikulin V.V. Vnutripartiynyy krizis v RKP(b) i problemy gosudarstvennogo upravleniya 1920–1921 gg. [Intra-party crisis in the CPSU and problems of state administration in 1920–1921]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2022, vol. 27, no. 5, pp. 1315–1321. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-5-1315-1321> (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Период советской истории, связанный с окончанием Гражданской войны и переходом к новой экономической политике, является одним из самых востребованных в отечественной историографии. Это связано, в первую очередь, с исторической яркостью этого периода, его значимостью в отечественной истории, необычностью и многогранностью его проявлений, спецификой ситуации, сложившейся в стране. Одной из самых обсуждаемых в научной литературе проблем является проблема внутрипартийного кризиса РКП(б), сложившегося к 1921 г. Данный кризис в историографии традиционно рас-

сматривается как кризис исключительно с позиции наличия политических разногласий в партии, что неизбежно сужает исторический анализ общего состояния советской системы, поскольку не воспроизводит всей глубины кризисных явлений. Диагностировать влияние внутрипартийного кризиса на общую ситуацию в стране, по нашему мнению, необходимо не только с позиции наличия политических разногласий в партии, но и с позиции кризиса всей системы управления, поскольку РКП(б) в статусе правящей партии выполняла функции государственного управления на всех уровнях власти. В исследовании анализируются кризисные явления в

РКП(б) именно с точки зрения его влияния на систему государственного управления.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кризисное состояние партии самым негативным образом влияло на всю систему государственного управления, поскольку РКП(б) составляла организационную и кадровую основу органов власти. Кризис системы управления проявлялся на всех уровнях власти, но с особой силой на низшем уровне – волостном и уездном. Этот уровень власти, сформированный в период «военного коммунизма», на основе исключительно политической селекции, заменившей трудовую и интеллектуальную, находился в состоянии полной организационной дезорганизации и морального разложения, что синхронно привело к дезорганизации системы управления на этом уровне, о чем свидетельствуют многочисленные факты. Например, из Тамбова и Воронежа сообщали в ЦК партии «о полном развале работы в губернии, бесчинствах местных работников, массовых растратах, поголовном пьянстве»¹. Волостные и уездные партийные организации были поражены склоками, принимавшими уродливые формы борьбы за портфели, подсиживание и т. п.² Состояние низового аппарата власти было адекватным отражением состояния самой партии, поскольку члены партии составляли кадровую основу местной управленческой структуры. За годы войны среди партийных функционеров произошла социально-психологическая трансформация, в результате которой революционные установки заменялись потребительскими жизненными установками, проявлявшимися в злоупотреблении властью, вседозволенностью в поведении. Произошедшая трансформация управленческой структуры неизбежно привела к утрате доверия к властным структурам со стороны местного населения. Усугубляло положение и то

обстоятельство, что местные органы власти были заполнены случайными, безыдейными, а зачастую и просто уголовными элементами, весь смысл «руководства» для которых состоял в удовлетворении личных потребностей низшего порядка. Это явление следует рассматривать как явление из ряда общей социальной закономерности, поскольку во все времена и при всех общественных системах социальное положение определяло материальный уровень жизни, что фатально стимулирует приток в органы власти именно такого рода персонажей. Не стала исключением и советская система, признав в конечном итоге, что «в результате абсолютного единовластия, бесконтрольности создавалась обстановка, при которой выйти в люди, создать себе карьеру, получить кусочек власти можно было, только пойдя на службу к советской власти. Это обстоятельство толкает в ряды партии элементы, которые стремятся в нее ради карьеры»³.

Деградация и доминирование в управлении партийных структур вело к полной атрофии управленческих функций советских органов власти, которые по факту не функционировали, их заменили партийные структуры, действовавшие по своему пониманию и разумению, игнорируя законность, в результате чего во многих местах установился режим личной власти партийных руководителей. Чекисты оценивали эту ситуацию как безудержную, корыстную вакханалию в низовых ячейках, в уездных и губернских органах. Головотяпов – работников и прохвостов, как партийных, так и беспартийных, по всему телу советской власти, что песку на морском дне. Они дискредитируют советскую власть, отталкивают массы от советской и коммунистической власти»⁴.

³ Об очистке партии: Письмо ЦК РКП(б) всем партийным организациям о проведении чистки партии от 27 июля 1921 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1970). Т. 2: 1917–1924. Изд. 8-е, доп. и испр. М.: Политиздат, 1970. С. 439.

⁴ ГАОПИ ВО (Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 448. Л. 8.

¹ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 84. Д. 76. Л. 5.

² Там же. Оп. 68. Д. 113. Л. 8.

Управленческий кризис не ограничивался низшим уровнем власти, серьезные проблемы проявлялись и на среднем (губернском) управленческом уровне. Многие губкомы и губисполкомы раздирали внутренние противоречия, порожденные борьбой бюрократических групп со своими сложившимися интересами и системой клиентальных отношений. На совещании секретарей губкомов и обкомов в декабре 1921 г. констатировалось наличие ситуации на губернском уровне, «когда руководящие кадры ответственных работников представляют собой замкнутые группы, в среду которых работнику, прибывшему из другой губернии или выдвинутому из уезда волости, внедряться очень трудно»⁵. Это неизбежно порождало острые аппаратные конфликты. Конфликты возникали, как правило, не по политическим и деловым разногласиям, а в основном по причинам личностно-группового характера, конкуренции различных бюрократических групп. Такая обстановка сложилась, например, в Тамбовском губкоме РКП(б), которая характеризовалась как «обстановка бесконечных ссор и склок, сведения личных счетов, бесформенная оппозиция «низов» против «верхов», ячеек против укома, укомов против губкома, дело доходило даже до кровной мести»⁶. Подобные ситуации носили не единичный, исключительный характер, а стали систематическими и обыденными. Интриги и склоки, сопровождавшиеся взаимными обвинениями, наблюдались в Закавказском и Северокавказском крайкомах, в Ленинградском обкоме, Сибирском крайкоме, на Украине, в Нижне-Волжском крае.

Борьба групповых и личностных интересов стала реальностью и на высшем уровне власти. Но в данном случае она отличалась от конфликтов в провинции. На этом уровне власти конфликты принимали форму разногласий тактико-программного характера. Многие из предложений так называемой оп-

позиции носили конструктивный характер, но ее взгляды трактовались исключительно как оппозиционные, фракционные, как идейные разногласия, представляющие угрозу единству партии. Присутствовали в высшем руководстве и неприязненные отношения на личностном уровне, например А.И. Рыков, который занимал антисемитскую позицию и противившийся на этой почве назначению Л.Д. Троцкого на пост заместителя председателя Совнаркома⁷. Взаимной открытой ненавистью со времени Гражданской войны отличались также отношения И.В. Сталина и Л.Д. Троцкого, которые постоянно посылали В.И. Ленину доносы друг на друга. Но конкуренция за власть на личностном уровне в высшем руководстве еще явно не проявлялась. Общая опасность для власти в период Гражданской войны и безусловный авторитет В.И. Ленина как политического лидера подавляли личные амбиции вождей, конкуренция стала реальностью политической жизни во второй половине 1923 г., после того как В.И. Ленин в результате болезни отошел от активной политической деятельности.

Официально озвучиваемая позиция руководящего ядра большевиков на имеющиеся в партии разногласия сводилась к тому, что основной внутрипартийной проблемой является укрепление единства партии, которая должна быть едина не только организационно, но и идейно. В этом вопросе точка была поставлена на X съезде РКП(б), принявшим внутрипартийный закон – резолюцию «О единстве партии». Закон запретил создание в партии фракций и группировок, что исключало возможность существования в партии внутренней оппозиции в какой-либо форме и, следовательно, всякое публичное обсуждение проблем решения тех или иных государственных задач. В условиях невозможности каких-либо публичных внутрипартийных дискуссий основным методом принятия управленческих решений становятся интриги, групповая закулисная борьба против альтернативных решений. Борьба мнений, позиций как необходимый элемент

⁵ ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области). Ф. 840. Оп. 1. Д. 1435. Л. 101.

⁶ Там же. Д. 1297. Л. 7-8.

⁷ ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 406. Л. 10-23.

управленческой деятельности, уходит в теневую сферу, дискуссии заменяются личным или групповым диктатом, принимающим форму прямого давления на субъектов принятия решений. Так, на XI съезде партии (март–апрель 1922 г.) при обсуждении вопроса об исключении из партии части членов «рабочей оппозиции» на делегатов съезда оказывалось сильнейшее индивидуальное давление. Участник съезда, член Воронежского губкома РКП(б) Зудов, выступая на пленуме губкома, вспоминая методы подавления оппозиции, покаялся: «Я там (на съезде) убедился, что мы скоты и часто сами голосуем несознательно. Но можно одного–двух обмануть, но нельзя обмануть партию в 400–500 тысяч человек»⁸. Такие же методы использовались при выборах делегатов на XII съезде партии. По рассказам участников событий, ячейки в буквальном смысле подвергались «политическому террору», добиваясь от них недопущения выбора представителей оппозиции на съезд. При обсуждении на XII съезде вопроса об исключении из партии подписавших «заявление 22-х», переголосовывали несколько раз с целью добиться нужного решения. Только при третьем голосовании, после индивидуальной работы с делегатами, добились своего⁹.

Серьезной управленческой проблемой стала интенсивная бюрократизация всех уровней управления. Бюрократизация, как известно, характерна ростом численности служащих и уровней иерархии, чрезмерным усложнением формальной регламентации деятельности, созданием замкнутых бюрократических групп и в конечном итоге утратой управленческим аппаратом гибкости и производительности. Крайняя централизация управления в период Гражданской войны в мирных условиях становилась иррациональной, неэффективной. Система всеобщего распределения «военного коммунизма» привела к огромному увеличению хозяйственного и распределительного аппарата. К 1921 г. его численность составляла 4 миллиона чи-

новников разного уровня и превышала численность рабочего класса в 2,5 раза [1, с. 48]. Партия большевиков стремительно становилась партией чиновников, и к 1921 г. 53 % коммунистов являлись служащими советских учреждений¹⁰. Особенно отчетливо это проявлялось в провинции. В Воронежской губернии, например, на должностях состояло от 68 до 75 % всех коммунистов¹¹. Бюрократизация приобретала системный характер, то есть носила не временный и локальный характер, а стала устойчивым и повсеместным явлением. На IX партийной конференции Т.В. Сапронов в своем выступлении акцентировал внимание именно на данную проблему, подчеркнув, что «те формы и методы управления, которые у нас сложились, порождают бюрократизм, ту язву, которая разъедает тело нашей партии»¹².

Одновременно с ростом бюрократизации усиливались центробежные тенденции в управлении. Учащались конфликты между местными управленческими структурами и центральными ведомствами, что расценивалось как стремление выйти из-под опеки Центра и признавалось тяжким нарушением партийной дисциплины. Конфликты возникали по разному поводу. Местные партийные и хозяйственные руководители пытались отстаивать свою самостоятельность в решении местных вопросов. На XI Всероссийской конференции РКП(б) в декабре 1921 г. эта нарастающая тенденция была отмечена как крайне негативная: «Все чаще наблюдается невыполнение директив центра, сознательное уклонение от выполнения партийных обязанностей»¹³. Это свидетельствовало о появлении «внутрипартийного и управленческого сепаратизма», который вел к дезорганизации централизованной системы управления. Борьба групповых интересов, усиление центробежных сил, фракционность, ме-

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 116. Л. 2.

¹¹ ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 406. Л. 10–23.

¹² Девятая Всероссийская конференция РКП(б). 22–25 сентября 1920 г.: Протоколы. М.: Госиздат, 1921. С. 156–161.

¹³ ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1441. Л. 2.

стничество, кустарщина стали характерными чертами управленческой повседневности.

Управленческие проблемы усложнялись натянутостью отношений между так называемыми «верхами» и «низами», под которыми понимались отношения между слоём руководителей и рядовыми гражданами, между которыми не было доверия и взаимопонимания. Проблема, в первую очередь, порождалась массовыми злоупотреблениями материального порядка со стороны чиновничества всех уровней. Тенденция размежевания в обществе по имущественно-должностному признаку усиливалась, а напряжённые отношения между партийным руководством и населением проявлялись открыто и массово. Привилегии в тогдашних голодных условиях у населения ассоциировались, прежде всего, с продовольственным снабжением, именно уровень снабжения продовольствием определял, в первую очередь, материальное неравенство, ставшее существенным фактором напряжённости между управленцами и населением, порождали стрессы и напряжения в обществе, переходившие в социальные конфликты, что значительно усложняло выполнение управленческих функций. ЦК РКП(б) в письме губкомам в марте 1921 г. отмечал в связи с этим, что во многих губерниях не имеют представления о коммунистах кроме представления, связанного с понятием привилегий. Коммунистов воспринимали как представителей власти, а не как защитников трудящихся¹⁴.

ВЫВОДЫ

К 1921 г. в советской России сложилась система государственного управления, в основе которой лежала система жесточайшего централизма, который неизбежно трансформировался в крайние формы бюрократизма. Это явление было порождением, с одной

стороны, военного времени, с другой – имело и другую логику, и объяснение, на которые указывала оппозиция. Управленческий кризис – это не в последнюю очередь кризис бюрократического Центра, который породил систему управления, в которой принятие всех решений сконцентрировалось в руках небольших по составу высших партийных инстанций. Решающее значение имел комитет. Сами комитеты формировались путем назначения, порождавшим злоупотребление властью, безответственность и безнаказанность. Вывод – требовался не просто ремонт системы управления, а сама система требовала изменений.

Хотя партийное руководство и настаивало на том, что кризисное состояние РКП(б), прежде всего, с наличием разногласий в партии, приведших к формированию внутренней оппозиции, однако кризисное состояние претерпевала вся система государственного управления. Его симптомами были организационная слабость, напряжённость между ее различными частями, имевшие свои взгляды и представления о формах и методах деятельности партии, напряжённость в отношениях между бюрократической частью партии и рядовой партийной массой, низкими личностными качествами управленцев. Определяющим негативным последствием кризиса стал начавшийся процесс утраты аппаратом контроля над ситуацией на местах. Сложившаяся в период Гражданской войны система управления страной, выстроенная по лекалам военного времени и приспособленная исключительно к нуждам войны, растиражированная на все уровни власти, находилась в стадии организационной дезорганизации, исполнительской анархии, кадрового голода и его морального разложения. В таком состоянии она не могла выполнять задачи мирного периода, и требовалась ее организационная и морально-нравственная реанимация.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 182. Л. 72.

Список источников

1. Белоусов Р.А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР. М., 1987. 330 с.

References

1. Belousov R.A. *Istoricheskiy opyt planovogo upravleniya ekonomikoy SSSR* [Historical Experience of Planned Management of the Economy of the USSR]. Moscow, 1987, 330 p. (In Russian).

Информация об авторе

Никулин Виктор Васильевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право», Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0003-1507-0434](https://orcid.org/0000-0003-1507-0434), viktor.nikulin@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.05.2022
Одобрена после рецензирования 05.09.2022
Принята к публикации 09.09.2022

Information about the author

Viktor V. Nikulin, Doctor of History, Professor, Professor of “Constitutional and Administrative Law” Department, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, ORCID: [0000-0003-1507-0434](https://orcid.org/0000-0003-1507-0434), viktor.nikulin@mail.ru

The article was submitted 19.05.2022
Approved after reviewing 05.09.2022
Accepted for publication 09.09.2022